

К ПОДХОДУ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ ДЕДУКТИВНО УМОЗАКЛЮЧАЮЩЕГО МЫШЛЕНИЯ (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Одна из последних работ великого армянского художника М.Сарьяна называется: «Земля». Среди остальных в доме-музее художника эта картина ничем особенно не выделялась: не выраженным сюжетом, не характерными кисти художника сочными, яркими красками опаленной армянским солнцем природы; на ней одни красочные волнообразные полосы, отдаленно напоминающие цвета радуги. И больше ничего примечательного не было изображено на этом крохотном полотне.

Когда известный советский космонавт А. А. Леонов посетил дом-музей художника – Сарьян тогда уже был на склоне лет, – и увидев картину, космонавт был удивлен..., минуту-другую не мог скрыть своего восхищения открытием: «... Мастер! А ведь Земля сверху точно такая же...!»

Великий варпет цветовые гаммы Земли вывел совершенно иным «взором», иным способом, нежели это сделал Леонов, непосредственно наблюдая Земной шар, находясь над ним во Вселенной... В целом они оба пришли к одному и тому же..., но к истине ли?...

В истории развития философской психологии, когда психология еще не определилась в своем предмете, проблема души рассматривалась в общем контексте гносеологии (теории познания), потому и любые проявления души в человеческом теле (переживания, эмоции, чувства, ощущения, восприятия, суждения и т.д.)

служили одной из субстанциональных основ выяснения истинности познания как важнейшего аспекта гносеологии. Например, в Новое время, как известно, в альтернативном порядке были сформулированы вопросы: а) возможно ли достоверное знание посредством чувственности (ощущения, восприятия и т.д.); б) насколько достоверно познание истины бытия посредством дискурса (суждений понятий и т.д.). Последнему придавалось всеобщее значение истинности познания и знания (Ф. Бекон, 1615, 2). Иначе говоря, чувственность в познании провозглашается “несовершенной”, т.к. она “не охватывает” собой бытие в целом, а лишь выводится из него нечто единичное, потому и истина ставится под сомнение. Более того, рационализм допускает достоверность истины познания благодаря лишь только человеческому мышлению, определяющему собой бытие человека со своими желаниями, представлениями, чувствованием: “... я нахожу, что мышление – атрибут, который принадлежит мне: оно одно не может быть отстранено от меня. Я есмь, я существую – это достоверно. Насколько времени? Насколько, насколько мыслю, ибо возможно и то, что я совсем перестал бы существовать, если бы окончательно перестал мыслить. Я теперь не допускаю ничего, что не было бы необходимо истинным” [...]. Нетрудно заметить, что здесь мышление, равно как и душа, берется в своей завершенной, окончательной стадии (“... я совсем перестал бы существовать, ес-

ли бы окончательно перестал мыслить”), и рассматривается в статусе критерия (достоверности) познания, чем и обусловлено доказательство, точнее, существование субъекта вообще. Уже в XVIII в. Гегель с позиции диалектики познания подвергает критике “рациональную психологию” (курсив наш – Р.П.), т.к. “она ..., с одной стороны, не может заимствовать свои предметы как данные из представления, а с другой, – не имеет права их определять и посредством простых рассудочных категорий ..., ибо упомянутые категории понимались ... как неподвижные и устойчивые ...; ... дух не есть нечто пребывающее в покое, а скорее наоборот, а есть нечто абсолютно беспокойное ... – он не есть нечто абстрактно простое, но нечто, в своей простоте отличающее себя от самого себя – не что-то, готовое уже до своего проявления...”. Итак, с точки зрения истинности познания, “рациональная психология” (в отличие от эмпирической психологии) “... не может заимствовать свои предметы как данные представления..., а между тем “... упомянутые категории (рассудочные: читай мышление) понимались как неподвижные и устойчивые ...”. Более того, мышление не есть “... абстрактно простое ...” и “... что-то готовое уже до своего проявления ...”. И в самом деле, Гегель заметил, что “рациональная психология в анализе достоверности истины познания исходит из уже готовых данных “рассудочных категорий ...”, которые имеются якобы “... уже до своего проявления”, вместо того, чтобы предпосылки порождения мышления в познании рассматривать вне всяких уже обнаруженных его устойчивых качеств и свойств, необходимых для развития и движения познания. Теперь посмотрим, что предлагает нам Гегель, отвечая на вопрос, как, каким образом возможно познание готовых, устойчивых категорий мышления: “Для нас дух имеет своей предпосылкой природу,

он является ее истиной, и тем самым абсолютно первым в отношении ее. В этой истине природа исчезла, и дух обнаружился в ней как идея, достигшая своего для-себя-бытия-как идея, объект которой, также и ее субъект есть понятие” [3, с. 15]. И чуть ниже “в прибавлении “продолжает: ”... ибо познание, содержащееся уже в простой логической идее, есть только мыслимое нами понятие познания, а не познание, наличное само для себя, не действительный дух, а всего только возможность его”. Диалектик познания основой познания принимает природу, причем, взятую в абсолютном, обособленном значении, как нечто непосредственно очевидное, истиной для которой является уже ставшее нечто “... мыслимое понятие ...”. Вместе с тем сам процесс познания, что очень важно, рассматривается отнюдь не как “... наличное само для себя ... действительный дух, а всего только возможность его”. Именно здесь Гегель отказывается от так называемых готово данных устойчивых категорий (мышления), а рассматривает их как возможность, которая осуществляется, т.е. превращается в “... действительный дух ...” (в понятие) в процесс познания через самодвижение, саморазвитие понятия, а последнее, в свою очередь, становится единственной истиной познания, ибо, охватывая природу и мышление в целом, и ее превращает в понятие (“... В этой истине природа исчезла, и дух обнаружился в ней как идея ...”).

Итак, с одной стороны, процесс познания, действительно, не представлен в готовом завершенном виде (“устойчивых категорий”), а лишь как возможность, которая осуществляется в формах понятий, движения понятия, но, с другой стороны, познаваемое (“природа”) может стать истиной (как существующее бытие), т.е. опознанной, если оно превращается в “действительный дух” (в завершенную форму понятия – мышление).

Итак, между познаваемым и познающим имеется абсолютное противоречие и истина познания достигается тогда, когда это противоречие снимается посредством движения понятия – устанавливается отношение соответствия между познаваемым и познающим, точнее, происходит абсолютное совпадение субъекта с объектом (“... дух обнаруживается в ней (в природе – Р.П.) как идея ..., объект которой, также и ее субъект, есть понятие ...”). Именно в этом тождестве и проявляется истинность познания. Причем тождество субъекта и объекта устанавливается в природе обнаруживающейся идеей, что и является гарантом истины познания. Возникает вопрос: каким образом эта идея полагается в природе, в то время как природа берется как обособленное нечто, предпосылка, которая изначально как данность для себя отстранена от истины, а лишь выступает ее предпосылкой (действительного духа, мышления)? Отсюда и “дух” берется в своем абсолютном значении как изолированное от природы явление. Таким образом, как в рациональной психологии, так и здесь идея (дух) берется как нечто готово данное (уже выведенное из рационального или эмпирического опыта) для развертывания (движения) познания к истине. Конечно, диалектика познания предполагает свои ступени движения духа к истине, что и соответствует развитию рассудочного сознания (мышления), а познание истины рассматривается на последней, третьей ступени развертывания возможности мышления, “... ибо в живом существе объект превращается в нечто субъективное, – сознание открывает тут само себя как существенное предмета ..., становится предметным для самого себя” [там же: 226]. Между тем на начальной ступени познание (т.е. “чувственное сознание”) “... не имеет еще никакого другого мыслительного определения кроме того, чтобы, во-первых, вообще

быть, и, во-вторых, по отношению ко мне быть некоторым самостоятельным другим...”, т.к. “... для чувственного сознания как такового сохраняет значение только упомянутое выше определение мышления, в силу которого многообразное обособленное содержание ощущений собирается в некоторое вне меня сущее единство” [там же; 227]. Диалектика познания здесь нам показывает, что на начальных этапах “чувственное сознание” закладывает основы мышления, и только через последнее чувственность как многообразие единичного собирается в единство. Но Гегель не указывает, как образуется чувственность (“самостоятельно другое”), а затем и мышление, в свою очередь, вступая в свои права, собирает это чувственно-единичное в целое. Иными словами, мышление на уровне чувственного сознания не знает пока “... откуда оно (это сущее единство чувственного – Р.П.) приходит ..., а также является ли оно истинным” [там же]. Но ясно одно: достоверность истины познания постигается, когда мышление как таковое осуществляет себя в конечных стадиях самодвижения понятия, т.е. через понятия, что и в определенном смысле выступает критерием истины.

Впрочем, теория познания в традициях философской психологии широко обсуждалась и в ранней античности. При этом достаточно интересны идеи Демокрита, переданные нам в свидетельствах и комментариях Плутарха, Аэция, Симпла и других мыслителей того времени. Известно, что Демокрит признавал материальность мира и его познание, принимая за его основу невидимые частицы (“атомы”) и “идеи”. Теперь посмотрим, как возможно познание того, что не видимо (не даны ощущения), если даже частицы из-за своей подвижности попадают в глаз и происходит акт восприятия: видение окружающего вне нас объектов [1].

В традициях античной философии и

психологии познание истины рассматривалось изначально в полном противостоянии, точнее, разведении познаваемого (первооснов бытия) и познающего (чувственность, представления и т.д.), что и становится условием познания истины, т.е. “действительности”. Посмотрим как Аэций представляет подход к познанию Демокрита и как комментирует его: “Демокрит говорит, что первотела (т.е. “плотное”) не имеет веса, движутся в беспредельном от взаимного удара; (по его мнению) “возможно, чтобы атом по величине равнялся миру” [1: 96]. Рассматривая онтологическую сущность возникновения материальности мира, Демокрит “первочастицам” придает прежде всего свойство “плотности” и движения в силу их взаимодействия из-за отсутствия в них веса: вес изначально не может быть характеристикой материальности. А как быть иначе, если мир в целом материален и подвижен и это является характеристикой его всеобщности и движения: “Аэций: “Демокрит признавал один род движения – движение от сотрясения” [1: 97]. И здесь, продолжая рассматривать действительность в своем онтологическом статусе, Демокрит, как и другие мыслители последующих веков, полностью разъединяет мир от познания, представляя его как нечто для себя сущее (существующее), вне встречи с познающим. Не отходя от онтологического упорядочивания мира через беспредельность сущего, он разъясняет (в схолиях): “Когда же они приблизятся друг к другу или столкнутся или сплетутся, то из (образовавшихся таким образом) скоплений их одно окажется водой, другое – огнем, третье – растением, четвертое – человеком. [В действительности же] все это “атомы” или “идеи”, как их называют, и кроме них ничего нет. Ведь из небытия не бывает возникновения и из сущего не может возникнуть ничто...” [1: 44]. А не значит ли это, что изначально “ничто”

уже есть суть “нечто”. В этом фрагменте демокритовского рассуждения скрывается глубокая мысль, а именно: сущее представляет собой основу образования природы, материальности мира – “ничто” и “нечто” существуют в единстве (“существуют только пустота и движущиеся атомы”). Причем от взаимодействия (“столкновения”) атомов происходит “нечто” – природа как она “открывается”, дана в наших ощущениях. Древний мыслитель прозорливо усмотрел, что познание истинного (“действительного”) бытия возможно лишь умом (“умопостижаемая сущность”). А между тем, по его мнению, ощущение (зрительное восприятие) не может добраться до “действительного”, ибо “... скопление ...”, “... сплетение ...” “атомов”, приводящих лишь к восприятию “воды ...”, “огня ...”, “растения ...”, “человека...” является иллюзией познания истины, т.к. акт взаимодействия “покрывает” собой истину познания. Однако, истина там, где еще нет взаимодействия “атомов”, встречи атомов. Идея, положенная в основание природы и материи, надо полагать, уже содержит в себе идею образования познания природы как истины первоосновы. А эту истину можно постигнуть лишь умом: в идее нет ничего, что есть в ощущениях (единичном). Но последнее представляет собой уже как осуществленный акт после столкновения атомов: хоть и познается вода, растение и т.д., но это кажущаяся истина. Лишь умом можно постигнуть непостижимое – истину: она не осуществлена как столкновение “атомов”, а лишь находится в возможности, как бы в чистом виде, это и есть “идея”. Истина (“ничто”) и есть, очевидно, неосуществленная идея.

Главным, на наш взгляд, в учении Демокрита является то, что процесс познания никогда не прекращается, а на определенных же уровнях (на чувственном) познание истины бывает относительным,

непосредственно представленным. Вместе с тем, абсолютизируя теоретические конструкции познания, Демокрит полностью доводит сущность, достигаемую умом (мышлением), до такого основания, которое выходит за пределы “нечто” и представляет собой “ничто” (чистая возможность). А как быть мыслителю, если онтологическая сущность бытия природы и материи ему мыслится как единство многообразия, а ум должен добраться до познания этого единства.¹ чтобы произошло соответствие познания сущности бытия с самим бытием как со всеобщим. Но возможно ли охватить умом познание истины вечно изменяющегося и движущегося сущего. Сам же Демокрит отвечает: “Диоген приводит мнение Цицерона: ”Демокрит же, отрицая качества, говорит: “Согласно общепринятому мнению существует теплое, согласно мнению – холодное, в действительности же [существует лишь] все это атомы или идеи. На самом деле мы не знаем ничего, ибо истина скрыта в глубине” [1: 171].

При ближайшем рассмотрении можно заметить, что в основание бытия сущего в готовом, завершенном виде положены рядом друг с другом материальность мира и идеальность его познания (“... в действительности же ... все это атомы или идеи...”). Причем атомы имеют свойства величины и формы уже опознанных вещей. Более того, “... [Демокрит] ... Левкипп и позже Эпикур ... полагают, что некоторые подходящие [от тел] образы, по виду сходные с теми [телами], от которых они исходят [последние и суть видимые нами тела], попадают в глаза видящих и таким образом происходит видение” [там же: 176]. Итак, атомы, идеи, образы (“эйдолы”) являются данностями уже опознанных форм предметов, мыслей, образов, только потом, как бы задним числом они положены в основание бытия сущего, но доведенные до оптически малых величин и форм объектов,

и соответствующих им форм образов и мыслей. Справедливости ради надо признать, что ранняя и поздняя² античность так или иначе искала пути порождения познания сущего, однако она это делала – сама того не замечая – через уже завершённые формы познания сущего, точнее, исходила из данностей, полученных на окончательном этапе процесса познания и только потом задавалась целью определить, что более подходит к достоверности всеобщности истины познания. Более естественным, надо полагать, в традициях философской психологии является поиск и признание приемлемого для этого уровня психических проявлений, в которых изначально подразумевалась адекватность познания действительности. Иными словами, достоверному познанию положения вещей должен соответствовать такой уровень психики, которому свойственно абстрагирование от многообразия и конкретностей с тем, чтобы добраться до сути (истины). Именно мышлению, как нечто особенному по сравнению с единичным (чувственным) свойственна отвлеченность, опосредованность. Будучи нематериальным по природе, мышление, обретая формы понятий, суждений и т.д., более приближается к познанию истины, чем какой-либо другой уровень психики.

Единственной теорией и методом познания долгое время оставалась формальная логика, которая разрабатывала правила и законы правильного мышления [9]. Психология, которой отводилась роль познания истины психическими свойствами и особенностями, в свою очередь, являлась частью теории познания. На основе разработки диалектики формальная логика заняла место части теории познания и продолжает оставаться самостоятельной логической наукой, разрабатывающей мышление, осуществляемое в формах суждений, умозаключений и

т.д.¹ Наукой о мышлении, таким образом, является логика. Оно (мышление), взятое в отдельности, выступает как особенное в связи с всеобщим (теорией познания). Иными словами, теория познания уже ближе к XIX в. изучает наиболее общие закономерности развития познания, охватывая при этом природу, общество, а также мышление в целом (7). Действительно, познание, осуществляемое мышлением в тех или иных формах, само (как бытие в себе и для себя) должно быть адекватным познанию истины, следовательно, не быть противоречивым изнутри. Таковым является требование гносеологии, охватывающее логику как науку о мышлении. Однако, являясь продуктом общественно-исторического опыта развития познания истины человеческих поколений, формальная логика устанавливает свои критерии истинности познания, изучает свои законы мышления (исключенного третьего, достаточного основания и т.д.). Тем самым формы мышления в формальной логике, в свою очередь, сами становятся продуктом, отраженным в труде, науке, искусстве, религии. Нельзя и не учитывать того важного обстоятельства, что развитие теории познания, в том числе науки логики, обусловлено производством (и воспроизводством) человеческих знаний, обратной связью влияющих на дальнейшую разработку науки о мышлении.

Таким образом, мы попытались по мере возможности обозреть данную проблему, конечно, в общих чертах, учитывая лишь исторически наиболее значительные вехи философской психологии – в контексте теории познания, конкретнее, тенденцию развития философской психологии, при которой психическая реальность рассматривалась как отдель-

ные феномены, свойства (или в форме изолированного объекта) так или иначе “приспосабливаемые” к познанию истины явлений, предметов действительности. Например, так поступает человек в своей повседневной практической жизни, выделяя то или иное свойство, особенность объектов предметов и явлений окружающей действительности, как бы эмпирически, в условиях непосредственной данности уже сложившихся отношений с ними. При этом прерогативой познания выступают изучение мышления, отраженного в формах понятий, суждений, умозаключений.

Резюмируя вышесказанное относительно изучения психической реальности в философской психологии, можно сделать следующие выводы:

Философская психология² собственно психическую реальность изначально рассматривала в тех или иных окончательных, завершенных свойствах ее проявления, только потом искала пути соответствия с познанием истины и ее достоверности.

В исторических традициях философской психологии идеальность познания и материальность бытия сущего изначально брались как независимые друг от друга, но рядоположенные, абсолютно противопоставляемые субстанции. Отношения между ними рассматривалось в конечной цели их полного совпадения (однозначного соответствия).

В основании познания сущего (бытия) в готовом виде уже мыслятся опознанность объектов реальной действительности, и только потом происходит поиск подходящих (соответствующих) абсолютной истине проявлений тех или иных качеств и свойств психической ре-

1 “Единство” в трансцендентальной дедукции И.Канта рассматривается не как логическая категория, а как возможность рассудка к синтезу. – “Критика чистого разума” 2-е изд., 1902, стр. 100-143, 658с.

2 В определенном контексте анализа иногда философскую психологию мы называем “гносеологической психологией”, ибо психика рассматривается в одних лишь атрибутах готовых форм познания, даже если делаются попытки установить их онтологический статус.

альности, обнаруженной в теле и замеченной самим человеком в феноменах, импульсах переживаний.

Философская психология рассматривает мышление в продуктах конечных стадий интеллектуальной эволюции человечества как уже установленные логические законы и формы процесса познания истины; мышление, отраженное в формах понятий, суждений и т.д., т.е. когда последние, имея природу идеального, более соответствуют познанию идеи единства многообразия природы и движения материального мира.

Гносеологический принцип соответствия познающего (субъекта) познаваемому (объекту действительности) заведомо полагает идею истины в основание сущего, как “нечто”, которое гарантирует познание вечного и непостижимого – “ничто”. А это невозможно. Процесс превращения бытия – всего сущего – в познание (идею, понятия) и есть внедрение духа в сущее («природа исчезает в духе»), все превращается в познание (понятие). И субъект, и объект превращаются в дух, так называемая идея познания как-то присутствует, а дух и есть гарант познания. Наивно полагать, что когда-либо мы познаем как и когда соединены мы и наше тело с духом. Ведь мы являемся уже завершенным продуктом этого соединения. Здесь нужен подход, отличный от философской психологии и от всего того, что делается в настоящее время в психологии, в частности, в психологии мышления, которое заведомо подведено под гносеологизированные категории. А между тем наиболее всеобщие формы мышления следует изучать в процессуальности их становления, что соответствует становлению психического, абстрагированного от теории познания и познавательных свойств, качеств вообще.

Конечно, теория познания на современном этапе обогатила науки методологией исследования, в том числе и

научной организацией исследований в конкретных науках; она указывает основы развития мировоззрения науки, разрабатывает пути и закономерности движения и познания общественно-социальных изменений и т.д. Именно диалектические требования развития познания в отдельно взятых естественных и общественных науках следует признать большой заслугой и важнейшим вкладом в науку на современном этапе понимания и осознания научно-технического прогресса. В центре системы каждой научной дисциплины, и это понятно, стоит познание, осуществляемое мышлением (сознанием) не одного поколения человечества.

В начале XIX столетия, ознаменовавшего собой важнейшую веху научных преобразований в естествознании, психологии, в свою очередь, делает решительные попытки расстаться со статусом “служанки” философии, (не оставаться ее гносеологическим придатком), биологии, физиологии и т.д., дабы самостоятельно очертить границы своего предмета, выстроить систему своего языка, методов, поставить свои задачи и т.д. “Душа” была переименована в “психику” со своей содержательной нагрузкой, кристаллизованной веками. Разумеется, не все удавалось на пути становления психологии научной дисциплиной. При этом требовалась огромная работа на всех “фронтах” реального осмысления предмета, поэтому выдвигались новые понятия, учения, не говоря о направлениях, вокруг которых и по сей день не умолкают страстные дебаты, ибо они задают тон, какой быть психологии как объективной научной дисциплины, изучающей особую реальность, принадлежащей живой системе природы, но не отождествленной с ней. Все делалось для того, чтобы “вытолкнуть” психическую реальность из физиологии, химии, биологии и, в первую очередь, из пока гносеологизированного ее понимания,⁷ требующего

принципиально другого осознания, отношения и образа мышления. В системе наук реальность бытия психики особенно в условиях научно-технического прогресса требует нового переосмысления. Ведь человек сегодня как никогда оказывается в центре глобальных, общественно-социальных преобразований жизни, в гуще решения для себя насущных жизненных нравственных проблем с определенным взглядом на свое место в будущем. В то же время он продолжает по инерции в исследованиях оставаться в пределах старой психологии, веками привычному житейскому, эмпирически “оправданному” образу мышления, изжившему себя особенно сейчас, когда человеку предстоит пересмотреть себя и свое бытие в перспективе вечности познания и самопознания как – прежде всего – природно-естественного существа.

Мышление как средство познания явлений действительности и человеческого индивида в ней (и вообще всей живой системы), находится на перекрестке исследований разных наук. Психология изучает мышление под углом зрения своего предмета, своих особенностей, как собственно психическую реальность. Психология, изучая мыслительные процессы, ищет там и находит общее, свои законы, как это делает любая наука вообще [8; 18]. При этом мышление, протекающее по форме от общего к частному (дедукция), следует рассматривать независимо от того, что им занимаются логика, другие науки, и даже независимо от той или иной логической теории. Тем более, эти формально логические критерии механически никак не переложимы на реально протекающие в голове индивида умственные процессы, в том числе процессы от общего. Ведь человек намного раньше стал пользоваться, скажем, утверждением или отрицанием, прежде чем они стали предметом изучения логической науки.

В сложившейся до настоящего времени ситуации в исследованиях психологии мышления продолжают господствовать логические критерии оценки мышления. Дело в том, что понимание отношения логики и психологии мышления и на сегодняшний день продолжает оставаться актуальным, особенно в условиях совершенствования автоматических средств управления, всеобщей компьютеризации, реформы образования и т.д. Мышление, изучаемое логикой, и мышление, изучаемое психологией суть не одно и то же, но вместе с тем они взаимосвязаны, как, например, имеется определенное соотношение между психологией и теорией познания. Это вовсе не означает, что психология непременно должна поставить задачу изучения конструирования достоверности познания истины, отделить ее от ложных форм построения мыслей, рассуждений на основе закономерностей и теории познания и законов и правил логики. Точно также в задачу теории познания не входит изучение психологической реальности процесса порождения той или иной формы мысли или формы связывания одной мысли с другой и т.д. как психического процесса. [5, 6].

В конце 50-ых годов прошлого столетия, специально изучая соотношение логики и психологии мышления, Ж. Пиаже провозглашает реальной наукой о мышлении не логику, как это было принято считать раньше под влиянием гносеологии, а психологию. Исходным основанием для такого утверждения выступало генетико-функциональное понимание автором познавательных процессов у ребенка. На этом следует поподробнее остановиться, поскольку Ж. Пиаже – один из немногих, кто стремился развести гносеологию от онтологии в рассматриваемом им предмете психической реальности мышления. Уже во введении [15: 659] Пиаже ставит вопрос о реальности мышления, изучаемой логикой: “Соотно-

сятся ли структуры и операции логики с чем-нибудь в нашей действительности мысли, подчиняется ли наше мышление логическим законам – эти вопросы до сих пор остаются открытыми” [там же: 571]. Сама постановка вопроса уже содержит в себе исходные основания сравнения логической науки с психологией умственного познания, тяготеющего к тому, что уже установлено историей человеческих поколений: “В настоящее время алгебра логики, – пишет Пиаже, – в целях ограничения интеллекта в психологическом понимании, является подсистемой одной из наиболее общих областей математики – абстрактной алгебры... Психологи, со своей стороны, приветствуют качественный характер логики, поскольку благодаря этому она упрощает анализ актуальных структур и позволяет выделить интеллектуальные операции, в противоположность получаемым при количественном анализе поведенческим последствиям этих структур и операций” [там же: 572]. Психологическая реальность логического мышления, по Пиаже, выделяется при таких операциональных действиях ума “актуальных операций”, если они так или иначе отражают “алгебру логики” (математическую логику), тоже соответствуют последней в своих непосредственных проявлениях при решении задач жизни. А как расценить Ж. Пиаже то, что делает индивид в “живом” (“актуальном”) процессе своего ума, если изначально отсутствует то, относительно чего он должен рассуждать. Здесь исследователю остается примкнуть к той или иной уже сложившейся в истории человечества логической теории. Таким основанием рассуждений, как полагает Пиаже, является алгебра логики, постигаемая ребенком в генезисе, с возрастом, благодаря операциональным действиям ума. А последние, в свою очередь, должны быть соотнесены с математической логикой, к которой человечество пришло

в процессе своей интеллектуальной эволюции – в истории развития и овладения опытом человеческого познания филогенеза,¹ чему и соответствует онтогенез – история индивидуального развития.

Пиаже в своих рассуждениях о соотношении логики и психологии мышления не всегда последователен относительно отделения психологической реальности мыслительных процессов от той или иной логической теории (см. выше). Иными словами, если имеется отношение общего (логики) с отдельным (психологией мышления), то в этом взаимодействии реальность психологии мышления непременно должна иметь свои особенности и закономерности. Впрочем, Пиаже конкретизирует вопрос отношения, выделяя психологию мышления как экспериментальную науку: “... сможет ли сама логика, понимаемая как нечто, выходящее за пределы экспериментально-психологического объяснения, тем не менее послужить основой для истолкования данных психологического опыта как такового?” Не трудно заметить, Пиаже под такой постановкой вопроса уже подразумевает присутствие логики как науки в форме заверченного общечеловеческого знания, его природы как психологического явления. Только подвергая “живой” интеллект испытаниям, можно распознать реально действующее познание индивида. Хотя, надо признать, последнее автором мыслится как нечто, находящееся в опыте индивидуального познавательного процесса, которое и проверяется экспериментальным путем, причем, как ни парадоксально, в соответствии с уже существующей логикой. Впрочем, так же обстоит дело у Пиаже относительно

1 * Следует признать, что и на сегодняшний день гносеология, рассматривающая познание истины, онтология, изучающая происхождение процессов и механизмов психики, продолжают оставаться завязанными тугим узлом, между тем назрела необходимость развязать этот узел и по-новому взглянуть на психическую реальность.

связи биологии с психологией. А логика (или, как он называет, “логистика”) как завершенное общечеловеческое знание в своей “непоколебимой” форме (“аксиоматика”) в общих чертах совпадает с биологическим пониманием адаптации живой системы со средой (имеется в виду принцип гомеостазиса). Иными словами, интеллект достигает своего формирования на той или иной возрастной стадии ребенка, если обретает “равновесие” с окружающим миром. При этом “равновесие” сродни с аксиоматикой “разума” (мышления). Этой аксиоматикой, к чему стремится интеллектуальное развитие, выступают категории формальной логики – конечные инстанции эволюции мышления в фило- и онтогенезе: “Формальная логика, или логистика, является аксиоматикой состояния равновесия мышления, а реальной наукой, соответствующей этой аксиоматике, может быть только психология мышления” [там же; 61]. Далее Пиаже продолжает развивать когнитивную теорию интеллекта, прибегая к стороне его биологической природы: “Интеллект – это определенная форма равновесия, к которой тяготеют все структуры, образующиеся на базе восприятия, навыка и элементарных senso-моторных механизмов” [там же; 65]. В целом понятно, формально-логические критерии одновременно определяют конечную инстанцию развития мышления, а также в показателях адаптации к среде проявляются в форме “равновесия”. Отсюда, по Пиаже, получается, что психология мышления, являющаяся реальной наукой о мышлении, возможна постольку, поскольку соответствует логистике. Вне логистики, т.е. вне формально-логических критериев нет смысла говорить о реальности мышления, “живо” осуществляющей “группировки”, “сериации”, “комбинации” и т.д. в процессе познания, но при этом ни на йоту не отходя от главного “конечного объекта”

– формально-логических законов построения суждений, умозаключений.

Таким образом, в теоретико-методологических поисках реально-психологических основ логико-познавательных конструкций человеческого ума Пиаже в целом примыкает к традиционному пониманию умственного познания, согласно которому вне науки логики немислимо говорить о научно психологическом толковании мышления, в частности логики, под которой подразумевается формально-логическое понимание. Но вместе с тем, справедливости ради, следует признать, что Пиаже интеллект изначально рассматривает как процесс своего же становления на основе взаимодействия среды и организма. Взаимодействие, по Пиаже, приводит к равновесию только в том случае, если происходит “взаимообмен” живого “организма со средой”, причем первое, изменяясь, влияет на второе, изменяя его. А что же при этом происходит с реальностью, которую называют психической? Стоит ли вообще искать эту особую реальность со своей “эпифеноменальной сущностью”? Анализируя предшествующие теории психики, в том числе теории мышления, Пиаже придерживается естественно-биологической, физиологической точки зрения объяснения психики из самой природы субъектно-объектного взаимодействия. Нам наш взгляд, главным при этом является то, что Пиаже заметил в самой процессуальности взаимодействия нивелирование, точнее чувство “исчезновения” у субъекта особенностей воздействия на него объекта, т.к. при “... обратном воздействии среды, на организм ... живое существо никогда не испытывает обратного воздействия (подчеркнуто нами – Р.П.) как такового со стороны окружающих его тел... В психологии обнаруживается аналогичный процесс: воздействие на психику всегда завершается не пассивным подчинением, а представляет простую

модификацию действия (подчеркнуто нами – Р.П.).”

Действительно, в естественно-непрерывном процессе “субъектно-объектного” взаимодействия исчезает очередность реагирования субъекта (якобы “пассивно” ожидающего – “под вторым номером”) воздействия объекта, т.к. уже само по себе “модифицированное действие” по определению выходит за пределы зеркального отображения (ведь зеркало само не отражает в этом смысле, не имеет той непрерывности, чтобы отразить то, что ему нужно) “объектного мира”,¹ обусловленного психическим отражением. На наш взгляд, следует также учесть, что в процессуальности взаимодействия отсутствует стартовость и финальность встречи субъекта с окружающим миром вещей, а модифицированные действия, направленные на последнее в силу своей активной изменчивости обретают спонтанный характер: надо полагать, границы субъекта и объекта здесь размыты, как бы тем самым образуется “третейный продукт”: психическое. Вот почему Пиаже именно здесь рождение интеллекта рассматривает как психический продукт на разных стадиях эволюции психического развития ребенка.

Таким образом, на основе проведенного нами анализа операционально-когнитивного подхода Пиаже к образованию реальности интеллектуально-познавательных процессов, можно сделать не-

которые выводы:

Пиаже впервые делает важнейшую методологическую попытку, провозглашая психологию реальной наукой о мышлении, а не логику, как это было принято считать (в широком смысле мышление охвачено гносеологией). Критериями психического развития ребенка в исследованиях Пиаже продолжают господствовать формально-логические схемы, к чему «тянется» интеллект ребенка, чтобы обрести равновесие (адаптацию) со средой («... идет ли речь о действии ... или об интериоризированном действии в мышлении (поведение – Р.А.)» выступает как адаптация...)» [там же: 62].

Исходными предпосылками производства умственных действий-операций выступает готоводанное субъектно-объектное взаимодействие. Тем не менее оригинальность и эффективность рассуждения порождения форм (операций) интеллектуального процесса заключается в том, что взаимодействие изначально носит спонтанный характер, а процессуальность образования субъектно-объектного отношения и в самом деле «не знает» конечных (завершенных) форм ума.

Внутренняя противоречивость учения Пиаже об операциональности стадияльного развития интеллекта (ребенка) заключается в том, что действия-операции, постепенно приближаясь к «аксиоматике разума», вбирают в себя то или иное свойство «алгебры логики», отображая «сериацию», «обратимость», «транзитивность» и т.д., тем самым превращаясь в отдельно взятые феномены психики (ума), отождествленные уже с готово данными знаниями математической логики, задним числом положенные в основание образования форм бытия мышления.

В поисках психологии развития реальных форм интеллекта Пиаже исходит из гносеологического принципа соответствия («адаптации») в биологическом смыс-

1 * Об учении Ж.Пиаже и критическом отношении к нему написано много: В.А.Лекторский, В.Н.Садовский, Э.Г.Юдин “Операциональная концепция интеллекта в работах Жана Пиаже”, предисловие к сб. “Изб.психолог.труды”, 1961; О.К.Тихомиров – Предисловие к книге Ж.Пиаже “Генезис элементарных логических структур”, М., 1963 и т.д. Однако мы намерены в этой статье опустить уже имеющуюся критику и не ссылаться на эти работы, хотя мы считаемся с ценными замечаниями этих и других авторов. Нас при этом интересовали именно понимание Пиаже о происхождениях психической реальности тех или иных познавательных структур и процессов, которое красной нитью пронизывает все его исследования.

ле этого понятия) субъекта со средой, постигаемого формально-логическими критериями мышления («Двойственная природа интеллекта, одновременно логическая и биологическая, – вот из чего нам следует исходить») [там же: 61].

Итак, Пиаже в своей операциональной концепции интеллекта исходит из логической теории, заранее принятой и положенной в основание онто- (и фило-) генеза психической реальности мышления. Иными словами, «алгебра логики» внутренне одновременно присуща такой же логике биологической эволюции природы интеллекта. Причем, конечные стадии интеллектуальной эволюции обуславливают собой равновесие субъекта с объективной средой, что выступает одной из форм гносеологического соответствия субъекта познания с познаваемой действительностью.^{1*}

Таким образом, в концепции Пиаже нет того общего, главного, что психическая реальность умственно-интеллектуального процесса обусловлена природно-естественными закономерностями порождения форм мысли для умозаключения независимо от той или иной логической (или биологической) теории, так называемой возможности психического формообразования, не зная конечной эволюции становления познавательного процесса на уровне умственно-интеллектуальных форм отражения.

Таким образом, исходя из необходимости исторического момента, мы еще более убеждаемся, что все психологические теории мышления разрабатываются на гносеологическом принципе соответствия психического отражения объективной действительности. Иными словами, этот принцип заранее полагает в познании очередность завершенных этапов отражения: в первую очередь, реальной действительности, а во вторую – на основе этих отраженных форм – под вторым номером, как реакция живого

ума на эти формы, отражаются такие же формы, но уже отраженной мысли (мышления). К сказанному выше добавим, что гносеологизированный подход к изучению психологии мышления (как к познавательному процессу) перекрывает все пути к доступу рассмотрения порождения мысли как одной из форм бытия независимо от того, как нам дано разнообразие форм бытия для их познания. Более того, в исследованиях психологии мышления, в частности, его дедуктивно умозаключающего процесса (в сознании исследователя) превалирует то, в какой мере умственно-психические процессы анализа, синтеза, обобщения, опосредования и т.д. уже как данность действуют в полном соответствии с готово логическими критериями понятий, суждений и т.д. Тем самым уже заранее предполагаемое получение результатов исследования «подведено» под эталон «правильного», т.е. гносеологически оправданного также общественно-историческими формами познания^{1*} мышления. Нетрудно заметить, что при таком подходе онтологический статус исследования мышления как психической реальности теряется в принципах гносеологии. Между тем исходно принятые основания готово данных структур логических критериев (и не только формально-логических) в исследованиях мышления не дают возможности проникнуть в суть его механизма независимо от того, к какому умственно-познавательному результату приведет этот процесс. Поэтому в традиционных исследованиях исходные основания бе-

1 В рамках данной статьи нет возможности представить анализ трудов известных исследователей советского периода, в частности, имеем в виду Л. Векера, Я. Пономарева, П. Шеварова, А. Брушлинского, рассматривающие разные стороны логического мышления в парадигме марксистско-ленинской методологии. В отдельных же случаях представляют определенный научный интерес исследования, проводимые под углом зрения деятельности концепции. К этим и другим исследованиям мы вернемся попозже, в другой работе.

рутся как уже воображаемые завершённые акты мышления и, естественно, предполагаемые результаты заранее, до завершения исследования отождествлены с этими принятыми актами ума. Получается замкнутый круг таких исследований: реально протекающий процесс умственного познания рассматривается отнюдь не в исконной своей процессуальности формопорождения. Здесь могут быть возражения. Приведем одно из них. Как возможно исследование мышления (в разных его проявлениях), если оно исследуется им же самим, мышлением – ведь, на первый взгляд, действительно, изучение реальности мышления, хотим мы того или нет, производится на основе уже завершённых этапов достигнутых в опыте умственного анализа, синтеза, обобщения, опосредования и т.д. Короче говоря, традиционный подход к уровням психического отражения не может признавать иные варианты научно-психологического исследования, кроме как саму данность, без особых усилий эмпирически обнаруживаемую в фактах понятий, умозаключений повседневного познания человеком себя и своего окружения. А возможно ли исследование процесса умственного познания, «отойдя» от фактичности ума, точнее, абстрагируясь от здравости научной психологии. Именно такое положение вещей, на наш взгляд, сложилось в психологии, которое неизбежно приводит к переосмыслению научного понимания процессов мышления, а именно: процессов, приводящих к добычанию, выяснению для себя (субъекта) нечто нового (факта, знания, положения, и т.д.), в условиях взаимодействия индивида с окружающей действительностью и с самим собой. При этом надо заметить, что взаимодействие происходит при осуществлении возможностей, индеферентных к конечным, действительным результатам, т.е. формам ума, которые они (возможности) принимают.

Итак, мы склонны полагать, что здесь в исследованиях мышления нужна другая парадигма, другой подход. Иначе говоря, реально протекающие процессы мышления (особенно по форме – от нечто общего к менее общему) следует исследовать абстрагированно от готово принятых логико-гносеологизированных форм, которые исторически “отшлифовались”, “кристаллизовались” и тем самым приняли формы (схемы) неизменных аксиом, стереотипов познания разума и действительности [14, 16, 17].

Нетрудно заметить, что изложенное выше проводилось нами в духе проверки и доказательства ограниченности традиционного подхода к исследованиям психической реальности на уровне процессов отражения умственного познания от общего к частному, ибо веками (и по сей день) логико-гносеологизированная разработка проблемы форм мышления отождествляется с проблемой психологии мышления (см. анализ выше – Пиаже Ж.). Мы понимаем и осознаем ответственность за принципиальное изменение русла методологии исследований, а убежденность в этом подкреплялась на протяжении многих лет, в том числе и в личных беседах с А.И. Миракяном и на основе парадигмы, предложенной им, в дальнейшем же получившей путевку в жизнь при изучении им процессов отражения восприятия. Следует отметить, что под его руководством подход этот получил подтверждение в исследованиях проблемы модальностей восприятия [10, 12]. Надо полагать, что исследования восприятия стали началом разработки А.И. Миракяном (и руководимой им исследовательской группы) нового парадигмального так называемого “непродуктивного подхода” процессов психического отражения вообще. Это и является большой заслугой автора и возглавляемой им группы сотрудников в научной психологии, внесших важнейший вклад в теорию

перспективного развития науки.

Итак, важнейшим требованием А.И. Миракяна в исследовании психической реальности является отказ от глубокого эмпирического представления о психической реальности, а также так называемого “продуктного подхода” к процессам психического отражения: “Как в психологии, так и в психофизиологии анализ явления восприятия начинается с интроспекции, т.е. с уже отраженных, выделенных, обособленных свойств в форме образов и понятий” [11; 12]. Иными словами “... любой способ исследования закономерностей процессов восприятия есть изучение этого процесса на продуктном физикальном уровне исследования” [там же: 13]. Вот почему, как полагает А.И. Миракян, (а это выражает суть изучения психической реальности до настоящего времени) “... при этом остаются скрытыми закономерности порождения самих продуктов отражения и те принципы и механизмы, посредством которых в живых существах реализуется возможность отражения этих продуктов” [там же: 13].

Следующим важнейшим требованием, вытекающим из указанной выше А.И. Миракяном существующей исследовательской парадигмы (продуктного отношения к реальности кроме ее психического отражения), является отказ от так называемого физикализма¹ в психологии: “Исходные постулаты физикального образа мышления не зависят от объективных свойств той сферы действительности, с которой имеют дело естественные науки, и поэтому продуктный подход вполне удовлетворяет нуждам развития этих наук” [там же: 17].

А.И. Миракян особо подчеркивает систему естественнонаучных дисциплин, к которым применим собственно физикальный, если можно так выразиться “продуктный образ мыслей”, ибо процесс психического отражения как специфический предмет исследования ни-

как не выражает природу естественных наук. Между тем специфика природы психического отражения требует другого научного анализа абстрагированного от продуктного образа мыслей: “Для естественнонаучного изучения явления психического отражения необходим другой образ мышления, – пишет А.И. Миракян, – афизикальный, требующий выхода за пределы данностей психической реальности, которые даны исследователю в форме продуктов законченного процесса отражения” [там же: 35].

Далее А.И. Миракян рассматривает психическое отражение как одно из явлений движения природы и материи в логике “... самой возможности порождения явления психического отражения как закономерного результата действия диалектических закономерностей самодвижения материи” [там же].

Итак, вышеприведенные требования ученого при изучении их реальности психического отражения в целом отражают парадигму новой концепции – концепции “трансцендентальной психологии” (1992), абстрагированной от продуктов психического отражения, в основе которого лежат диалектические характеристики самодвижения материи и природы.¹ Не вдаваясь в подробности концепции А.И. Миракяна (об этом написано достаточно подробно и подтверждено экспериментально-эмпирическим материалом), следует особо подчеркнуть, что в отличие от уровня чувственного отражения, реальные процессы умственного познания от общего (и мышления вообще) “легко тяготеют” к идентификации с научно-логическими критериями мышления, потому и психологические исследования, проведенные в этой облас-

1 Здесь мы имеем в виду овладение (усвоение) человеческими поколениями форм познания как уже готовым общественно-историческим продуктом развития разных уровней знаний в практической деятельности людей.

ти, достаточно малы, т.к. за функционированием мышления кроме логических в традиционной психологии нет других “подходящих” психологических критериев абстрагирования форм познания: скорее всего истинные закономерности процессов умственно-познавательных процессов отражения мышления скрыты за “покровом” уже отраженных логических форм понятий умозаключения и т.д. Более того, мышление в определенный момент упорядочивающее процесс получения, открытия нового знания, положения факта и т.д., рассматривается как готово данное “устройство”, производящее подобные этому устройству готовые формы мысли для заключения. А между тем процессуальная характеристика возможности психического отражения обусловлена рядом принципов: “Первый принцип в самом общем виде может быть сформулирован как принцип анизатропной структурно-процессуальной организации отражательной системы...” [13: 73]. Причем анизатропность А.И. Миракян рассматривает как дополнительную особенность единства и разности какой-либо отражательной системы (живое существо): “Поэтому очень важно, что в любой отражательной системе единство дискретно-системности и анизатропности, в отличие от гомогенности, образует возможность порождения иного” [там же: 72].

Рассматривая умственные процессы отражения в статусе их онтологической реальности, мы приходим вслед за автором к убеждению, что исходным природно-естественным основанием здесь выступают вообще нерасчлененные формы самодвижения материи и природы, которые таят в себе “анизатропность” как возможность “... порождения отношений вообще и взаимоотношений в частности, тем самым (эта наиболее общая анизатропная особенность – курсив Р.П.), может являться главным условием для спонтан-

ного образования психического отражения” [там же: 70]. На наш взгляд, именно в этом плане не может быть изначальной разделенности логического и психологического в процессах отражения мыслительной системы. Выражаясь другими словами, хоть здесь отражение носит спонтанный характер, однако единство как одна из характеристик мыслительной системы обеспечивает уровень именно умственного отражения, если даже последнее “скатывается” на уровни наглядно-чувственных, образно-действенных компонентов – все равно это делается для функционирования мыслительной системы. Итак, под принципом структурно-процессуального единства логического и психологического мы разумеем изучение форм и способов познания и знания вне самих фактов способов и форм познания и знания.

Таким образом, вслед за обеспечением уровня процесса умственного отражения (имеется в виду непрерывность), следует момент выделения в отражательно-мыслительной системе компонента, содержащего возможность образования отношения нечто одного (зафиксированного) с другим, т.е. зафиксированное одно, превращенное в другое, отличное от предыдущего момента фиксации. Отсюда вытекает второй важнейший принцип исследования конкретно-непосредственной психологической реальности функционирования умственного процесса выведения нечто нового (факта, знаний, общих положений, аксиом и т.д.) из связи объективно структурно-заданных посылок. Принцип этот мы назовем принципом сообразности формопорождения отражательной мыслительной системы диапазону ее предпосылочной рассуждаемости. Мы исходим из той действительности ума, определенные пределы (диапазон) возможностей которой создают отношение между выделенным элементом и следующим моментом прев-

ращения (выведения) этого же элемента в форму мысли–заключения, которое, в свою очередь, становится моментом–основанием для образования связи (отношения) нечто с другим (с посылкой как формой мысли) и т.д. Мы полагаем, что совокупность (единство) разных моментов одновременной и фиксации, и превращения элемента в форму мысли и обуславливает собой искомость отношений, приводящих к образованию разных уровней умозаключения (цепи умозаключений). Короче говоря, искомость отношений выражается в отсутствии одного (нечто последующего) через присутствие (фиксацию настоящего здесь и теперь) другого. Когда отношение одного с другим начинает функционировать (в вышеприведенном понимании отражения) в деятельности умозаключающего мышления и познания субъекта, происходит процесс уподобления одного к другому.

Конкретно говоря, в процессе распознавания объектов через отношения между ними, между формами мыслей, наглядно–чувственными образами, а также узнаванием отношений между мыслями, наглядно–чувственными представлениями и т.д. происходит процесс непрерывного уподобления одного другому (независимо от характера и свойств этих объектов мыслей, чувственных образов и т.д.). Уподобление как способ распознавания, следовательно, и образования отношений происходит тогда, когда нечто отсутствующее распознается как искомое отношение через создание отношений. Именно поэтому, надо полагать, процесс узнавания,¹ распознавания объекта, мысли, образа–представления изначально происходит в едином контексте искомых отношений, где не ставится разница между объектами (с их свойствами) и процессом их поз-

нания (мыслями, представлениями и т.д.). Иными словами, происходит уподобление процесса отражения формообразования мысли к предметам, явлениям, подлежащим распознаванию даже в условиях, когда субъект познавательного процесса распознает их относительно опосредованно, т.е. в виде отображенных на рисунке фрагментов, сюжетов и т.д. Так, процесс распознавания звезд и их расположения на небосводе распознается таким же способом, если даже этот реальный фрагмент, сюжет действительности отображен в виде рисунка на холсте – сквозь краски, на песке – сквозь песчинки или на бумаге – сквозь штрихи. Распознавание последнего как нечто реальное, искомое в отношении с действительностью, очевидно, и есть одна из ранних форм умозаключения, т.е. вывода в данном случае от общего посредством уподобления.

Непосредственно психологически мышление от общего функционирует в актах фиксации распознаваемого образа, мысли, отношения между объектами и отношения субъекта мыслительной системы, создаваемой им формы – представления объекта. Любой акт в процессе распознавания и есть акт умозаключения – вывода нечто нового. Во всех этих актах общее выступает как нечто отсутствующее. Им могут быть нерасчлененные представления–знания в виде каких–либо фактов, правил, эпизодов жизни, фрагментов или сведений, а также образование образов предметов реальной действительности и т.д. (см. диапазон предпосылочной рассуждаемости). Как возможность, последнее в системе умственного познания отражается в виде следов в процессе вывода заключения. Общее (в каком–то определенном смысле всеобщее как нерасчлененная форма) психологически всегда существует как отсутствующее и присутствует лишь как следы в актах умозаключающего процесса вывода.

1 В определенном смысле автор в одном из интервью вносит уточнение, называл трансцендентальную психологию “трансцендентальным материализмом” (12)

Процесс дедуктивного умозаключения выступает как момент отражения единой мыслительной системы, тем самым создавая отношение между разными формами мысли: описательными, объяснительными, наглядно-образными и т.д. Единство логического и психологического в отражательной мыслительной системе обуславливается собственно структурностью, благодаря искомому отношению между логическим и психологическим. Единство отношения логического и психологического следует, надо полагать, рассматривать как отношение нечто отдельного (механизмы создания, разрушения, обновления и т.д. форм мысли субъекта познания) и общего (общественно-исторические неизменные формы познания и мышления, отраженные в наследии культуры, науки, искусства, труда и религии). Общее – логика (законы и правила мышления) – индифферентно к психической реальности отдельно взятого индивида, но вместе с тем отдельное – субъект познания – не остается равнодушным к логике, однако охватывает это общее не полностью, частично, в зависимости от конкретно-

го познавательного содержания окружающей действительности, свое бытие и мышление в мире. Итак, между логическим и психологическим всегда имеется диалектическое опосредованное отношение общего и отдельного, в котором никогда не бывает тождества и полного однозначного соответствия.

Таким образом, нами сделана одна из немногих попыток пересмотреть исследовательские принципы психической реальности мыслительной системы, в том числе психологии процессов дедуктивного умозаключения.

При этом по мере возможности мы абстрагировались от традиционно-эмпирического подхода к исследованию мышления, а также от логико-гносеологизированных критериев процессов умственного познания. Исходным основанием новой парадигмы исследования нами было принято трансцендентальное понимание психической реальности мышления, сравнительно недавно предложенное А.И. Миракяном и проби- вающее путь перспективного развития психологической науки на рубеже XXI столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баммель Г.К. Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности. М., 1935. – 165 с.
2. Бекон Ф. Философский словарь.
3. Гегель Г. Энциклопедия философских наук, т.3, “Философия духа”. М., 1977. – 470 с.
4. Декарт Р. Избранные произведения “Метафизические размышления”. М, 1950. – 710 с.
5. Ерицян М.С. Умозаключение в предмете изучения логики и психологии. Материалы симпозиума. Алма-Ата, 1973. нет страниц
6. Ерицян М.С., Погосян Р.А. Методика изучения психологических особенностей дедуктивно-умозаключающего мышления. – “Вопросы психологии”. – М., 1985, № 3. нет страниц
7. Кондаков Н.И. Логический словарь. – М, 1971, 636 с.
8. Кедров Б.М. Три великих замысла. О методах изложения диалектики. М, 1983.– 475 с.
9. Копнин П.В. Философские тетради В.И.Ленина и логика. М., 1965. нет страниц
10. Миракян А.И. Психология пространственного восприятия. Ереван, 1990. нет страниц
11. Миракян А.И. Афизиальные принципы психического отражения и их моделирование в технических системах // Принципы порождающего процесса восприятия (под ред. А.И.Миракяна). М., 1992. 378 с.
12. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. Книга вторая. М., 2004. – 382 с.
13. Миракян А.И. Основания трансцендентальной психологии восприятия. Материалов научной конференции “А.И.Миракян и современная психология восприятия” (Под ред.Н.Л.Мориной, В.И.Панова, Г.В.Шуковой). М., 2010. 345 с.

14. Нагдян Р.М. Метафизический подход к методологии исследования психического отражения реальности. (Автореферат докторской диссертации). Ереван, 2015. 258 с.
15. Пиаже Ж. Логика и психология мышления. В кн. "Избранные психологические труды". М., 1969. – 659 с.
16. Погосян Р.А. Исследование психологических особенностей реальности мышления от общего к частному (дедукция). Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1987. 414 с.
17. Погосян Р.А. К проблеме изучения психической реальности мышления от общего к частному. Материалы научной конференции "А.И.Миракян и современная психология восприятия". М., 2010. – 578 с.
18. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957. – 328 с.

**ԴԵԴՈՒԿՏԻՎ ՄՏԱՀԱՆԳՈՂ ՄՏԱԾՈՂՈՒԹՅԱՆ
ՀՈԳԵԲԱՆՈՒԹՅԱՆ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՅԻ ՇՈՒՐՋ
(ՄԵԹՈԴՈԼՈԳԻԱԿԱՆ ՎԵՐԼՈՒԾՈՒԹՅՈՒՆ)**

ՌՈՒԲԵՆ ՊՈԳՈՍՅԱՆ

*Խաչատուր Աբովյանի անվան հայկական պետական մանկավարժական համալսարանի
գարգացման և կիրառական հոգեբանության ամբիոնի պրոֆեսոր, հոգեբանական
գիտությունների թեկնածու*

Հողվածում հարց է բարձրացվում այն մասին, որ մտահանգման հոգեբանական ռեալությունը անհրաժեշտ է ուսումնասիրել տրամաբանական սխեմաներից դուրս: Մինչդեռ այն հնարավոր է հետազոտել տրանսցենդենտալ հոգեբանության մեթոդաբանական դիրքերից, որն առաջարկել է Ա. Ի. Միրաքյանը՝ արդյունավետորեն ուսումնասիրելով ընթերցման մոդալականության գործընթացները:

**ON THE APPROACH OF STUDYING PSYCHOLOGY OF
DEDUCTIVE CONCLUSIVE THINKING
(METHODOLOGICAL ANALYSIS)**

RUBEN POGHOSYAN

Professor of the Chair of Development and Applied Psychology ASPU, Candidate of Psychology

The article raises an issue that reality of conclusive psychology should be studied out of logical schemes. However, it is possible to examine from the angle or position of transcendental psychology, which is proposed by A. Miraqyan, who efficiently studied processes of modality of perception.